

Влажные черные волосы ниспадали на плечи, он быстро высушил их духовной силой, затем равнодушно повернулся к двери и произнес:

— Лань Цин, войди, помоги мне уложить волосы.

Чу Тянью не отказывался от самостоятельности, просто женские прически были для него слишком сложны. Даже при старании результат получался нелепым. Мужские же прически были куда проще. Вспоминая времена, когда достаточно было надеть головной убор, он смотрел в зеркало на руки Лань Цин, ловко работавшие над его головой, и в который раз тосковал о прошлом.

Цзи Уя прождал в спальне почти полчаса, прежде чем его супруга вернулась после омовения.

Омытая, она сияла, словно осенний пруд, ее щеки были румяны, как персики в марте, а простая прическа украшалась нефритовой шпилькой, с которой свисали жемчужины разного размера, создавая изящный акцент.

На ней было платье из небесного шелка, вышитое орхидеями, с легким шарфом, обвивающим руки и свободно ниспадающим на подол.

— Супруга~ — с легкой улыбкой приподнял бровь Цзи Уя, глядя на прекрасную женщину с холодным обаянием.

Ах, интересно, какой она была раньше? Надо будет обязательно спросить.

Он обладал всеми воспоминаниями Мо Чанфэна, но ни за что не спутал бы Чу Тянью из его памяти с этой женщиной перед ним.

Даже если внешне она все еще была Чу Тянью, ее манера и дух были совершенно иными.

Чу Тянью вздрогнул от этого обращения, бросил взгляд на Лань Цин и ответил жесткой улыбкой.

— Ты можешь идти, — сказал Цзи Уя, отпуская Лань Цин, чтобы супруга не чувствовала себя скованно.

Как только Лань Цин ушла, Чу Тянью расслабился и поблагодарил Мо Чанфэна.

Его знания о Мо Чанфэне основывались на воспоминаниях «Чу Тянью», но, к сожалению, те воспоминания были сильно приукрашены.

До сих пор Чу Тянью знал лишь, что Мо Чанфэн был мягким человеком, и ничего больше, лишь постепенно узнавая его характер в общении.

— Не стоит благодарности, ты моя супруга, это естественно, — быстро ответил Цзи Уя, совершенно непринужденно, и указал на черный нефритовый флакон на столе. — Это Пилюля Таинственного Нефрита, которую я только что нашел. Возможно, она будет полезна для тебя.

Пилюля Таинственного Нефрита была лекарством, которое могли принимать практикующие на этапе закладки основания. Чу Тянью был удивлен, что этот предмет на столе предназначался ему.

— Для меня? Не нужно, — ответил он. Он не был Чу Тянью и не хотел принимать эту странную доброту от Мо Чанфэна.

— Мы же спутники Дао, просто прими это, — вздохнул Цзи Уя, положив пилюлю в его руку. — Хотя я не знаю причины, но твоя духовная сила, похоже, рассеивается... Пилюля Таинственного Нефрита может избавить тебя от некоторых тягот в практике.

— Так что, супруга, просто прими это, — это была забота от спутника Дао, разве она может отказаться? — подумал он с легкой досадой.

— Ты заботаешься обо мне, потому что я твой спутник Дао? — Хотя это должно было быть утверждением, Чу Тянью произнес это как вопрос.

— Ты мой спутник Дао, поэтому заботиться о тебе — естественно, это не помощь, — улыбнулся Цзи Уя, видя, как его слова вызывают еще большее замешательство. — Исчезновение Тянью не имеет к тебе отношения, а ты мой спутник Дао. Разве забота о спутнике Дао неправильна? Все, что произошло, было ошибкой, но я считаю, что это судьба.

Смысл его слов был в том, что он делает то, что должен делать как спутник Дао, и между ними нет вражды.

Чу Тянью чувствовал, как его эмоции бурлят, как штормовое море. Он прекрасно понимал, что Мо Чанфэн, должно быть, считал его женщиной и своим спутником Дао, поэтому так заботился о нем.

Обманывать такого человека вызывало у Чу Тянью чувство вины. Если бы он узнал, что на самом деле он мужчина, возможно, это бы его сильно расстроило.

— Тебе не нужно быть таким добрым ко мне, — сжал губы Чу Тянью. Чем больше Мо Чанфэн проявлял заботы, тем больше он чувствовал себя неуютно.

— Я знаю, что не достоин тебя. Ты, должно быть, была могущественной практикующей, и быть

моим спутником Дао — унижение для тебя.

И это было правдой. Только на этапе изначального младенца можно было захватить тело. Мо Чанфэн, слабый практикующий на этапе ци, женился на спутнице Дао на этапе изначального младенца. Кто здесь был в выигрыше, было очевидно.

— Это все, что я, как спутник Дао, могу сделать для тебя, — притворился, что вздыхает, Цзи Уя, с легкой грустью. — ...Не вини тебя, если ты презираешь меня.

Тело Мо Чанфэна было слабым, и в этот момент он выглядел как обиженный ребенок — слабый, жалкий и беспомощный, он мгновенно потерял бодрость.

Играть роль было для Цзи Уя привычным делом. Образ мягкого и слабого молодого аристократа был для него легким.

Он был уверен, что человек перед ним не сможет отказать такому себе, и подумал, что его слишком легко понять.

Как он и ожидал, Чу Тянью колебался, думая, что его резкий отказ, возможно, ранил Мо Чанфэна.

— Я не презираю тебя, Пилюля Таинственного Нефрита хороша, — проговорил Чу Тянью, опуская взгляд, пока его пальцы скользили по флакону в его руке. — Я принимаю ее.

Пилюля Таинственного Нефрита не могла исцелить повреждения души, но она действительно могла сделать его практику более эффективной. Одна высококачественная Пилюля Таинственного Нефрита стоила целое состояние.

Хотя золото и серебро не имели большого значения для практикующих, то, что Мо Чанфэн отдал такое количество, было значительным жестом.

Сам Мо Чанфэн был лишь на этапе ци, и лекарства для этапа закладки основания, вероятно, были приготовлены для Чу Тянью, но теперь они были переданы ему.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности, супруга, если это полезно для тебя, то я рад, — улыбнулся Цзи Уя, не скрывая своих намерений. — Я не могу все время называть тебя Тянью. Нужно же как-то обращаться к тебе.

— Как ты хочешь, чтобы я тебя называл?

— Называй меня Яогуан, — после некоторого размышления ответил Чу Тянью.

В странных историях Низшего Бессмертного Мира было записано: «Сын Дао Секты Меча Небесного Дао, Чу Тянью, сто лет назад с Красной Цитрой Яогуан и древним мечом Цзяо уничтожил одного из двенадцати владык демонов, Владыку демонов Таинственной Тени».

— «Микроскопично Таинственный сад, наблюдающий за „Яогуан“?» — первое, что пришло на ум Цзи Уя.

Чу Тянью покачал головой, исправляя его ошибку:

— «Семь светил на севере, „Яогуан“ как звезда».

— Тогда я буду называть тебя Яогуан, а когда мы одни, Яогуан, ты можешь называть меня по имени, — Цзи Уя мысленно повторил это имя, но оно не вызвало у него никаких ассоциаций.

Это было логично. Он сам вознесся тысячи лет назад, так что Яогуан, должно быть, был его потомком. Практикующие на этапе изначального младенца в Низшем Бессмертном Мире были многочисленны, а Мо Чанфэн мало что знал о внешнем мире, так что отсутствие воспоминаний не удивительно.

— Лань Цин не может оставаться рядом со мной. Она, должно быть, уже поняла, что я не ее госпожа, — кивнул Чу Тянью, соглашаясь с вопросом об обращении.

— Лань Цин — личная служанка Тянью. Внезапно заставить ее уйти будет неудобно.

— Нет другого способа? — услышав это, Чу Тянью немного разочаровался. Если Лань Цин останется, он чувствовал, что его раскроют.

— Я придумаю что-нибудь.

Мо Чанфэн не любил, чтобы его обслуживали слишком много людей, поэтому во внутреннем дворе Павильона Внемлющего Журавлю обычно был только Пин Ань. Теперь к нему добавилась Лань Цин.

После обеда Цзи Уя сидел на веранде, наблюдая за деревом Бегонии Серебряной Луны, слушая, как ветер шелестит его листьями. Теплая духовная сила спонтанно текла по его каналам, растворяя лекарственную силу и понемногу восстанавливая его душу, отчего он начал дремать.

Чу Тянью вышел из комнаты, держа в руках меч «Чу Тянью», тот самый, что висел на стене в день свадьбы.

— Супруга, ты собираешься практиковать меч? — услышав звук, Цзи Уя поднял голову и улыбнулся, прищулив глаза.

— Жаль, что мое тело не в порядке, иначе я бы мог потренироваться с тобой, — во внутреннем дворе сейчас были только они двое, поэтому он говорил свободно.

Еще две недели, и его тело должно восстановиться до уровня седьмого слоя ци, чтобы не быть таким слабым, как сейчас.

Но Цзи Уя не мог показать это слишком явно. Мо Чанфэн болел более десяти лет, и внезапное улучшение могло вызвать ненужное внимание.

— Угу.

Чу Тянью и так был немногословен, и сейчас, ответив, он уже не считал Мо Чанфэна чужим.

Цзи Уя сменил позу. Спать или смотреть на пейзаж после обеда? Нет, наблюдать за красавицей, танцующей с мечом, было куда приятнее.

<http://bllate.org/book/15414/1363163>